

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ: СМЫСЛОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ

POLITICAL IDENTITY AND IDENTITY POLICIES: SEMANTIC FOUNDATIONS AND IMPLEMENTATION TOOLS

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-277-291
EDN: NJDGXY

Научная статья / Research article

Кризис российской национально-государственной идентичности в конце XX — начале XXI в.: факторы, специфика, репрезентации

С.В. Расторгуев , В.В. Титов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Москва, Российская Федерация

 SRastorguev@fa.ru

Аннотация. Актуальность исследования связана с незавершенным характером формирования российской национально-государственной идентичности. Модель национально-государственной идентичности, существующая в современной России, носит фрагментированный и отчасти аморфный характер, во многом наследуя смысловые и структурные особенности, кристаллизовавшиеся ранее — на кризисном (1992–2000) и посткризисном (2001–2008) этапах ее становления. Новые геополитические вызовы, адресованные российскому государству и обществу в начале 2020-х гг., также свидетельствуют о необходимости переоценки недавнего, во многом противоречивого опыта формирования общенациональных идентификационных ориентиров в постсоветской России. Цель исследования состоит в научно-политическом осмыслении факторов и специфики формирования национально-государственной идентичности России на кризисном и посткризисном этапах (1992–2008 гг.). Теоретико-методологические основания исследования опираются на сочетание политико-психологического подхода и современных социально-конструктивистских теорий. Эмпирическую базу исследования составляют результаты социологических опросов, проводимых ведущими российскими академическими (ИС РАН) и исследовательски-аналитическими (ВЦИОМ, Левада-центр (Автономная некоммерческая организация «Аналитический Центр Юрия Левады» включена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента)) организациями, а также данные, полученные в ходе реализации ряда научно-исследовательских проектов политико-психологического характера. Зафиксировано, что всеобъемлющий кризис национально-государственной

© Расторгуев С.В., Титов В.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

идентичности в 1992–2000 гг. был обусловлен не только институциональными и ценностно-идеологическими, но и психоэмоциональными факторами, среди которых особое место занимают массовая фрустрация и атомизация социального пространства России. Отмечается, что базовым фактором поэтапного преодоления кризиса российской национально-государственной идентичности явилось выстраивание персоналистской модели власти, подкрепляемой снижением остроты идейно-политических конфликтов. Двумя определяющими тенденциями посткризисного этапа развития российской национально-государственной идентичности выступали реставрация в политическом сознании общества устойчивых представлений о России как о великой державе и политическая консолидация большей части общества на основе «путинских консенсусов».

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, кризис идентичности, посткризисный этап, образ власти, образ «значимого другого», образ пространства

Благодарности: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Для цитирования: *Расторгуев С.В., Титов В.В.* Кризис российской национально-государственной идентичности в конце XX — начале XXI в.: факторы, специфика, репрезентации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 277–291. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-277-291>

The Crisis of Russian National-state Identity in the Late 20th — Early 21st Centuries: Factors, Specifics, Representations

Sergey V. Rastorguev , Viktor V. Titov

Financial University under the Government of the Russian Federation

Moscow, Russian Federation

 SRastorguev@fa.ru

Abstract. The relevance of the study is related to the unfinished nature of the formation of the Russian national-state identity. The model of national-state identity that exists in modern Russia is fragmented and somewhat amorphous, largely inheriting the semantic and structural features that crystallized earlier — at the crisis (1992–2000) and post-crisis (2001–2008) stages of its formation. The new geopolitical challenges addressed to the Russian state and society in the early 2020th also testify to the need to reassess the recent, largely contradictory experience in the formation of national identification landmarks in post-Soviet Russia. The purpose of the article is to provide a scientific and political understanding of the factors and specifics of the formation of the national-state identity of Russia in the crisis and post-crisis stages (1992–2008). Theoretical and methodological foundations of the study are based on a combination of a political and psychological approach and modern social constructivist theories. The empirical base of the study is the results of sociological surveys conducted by leading Russian academic, research and analytical organizations, as well as data obtained during the implementation of a number of research projects of a political and psychological nature. It is recorded that the crisis of national-state identity in 1992–2000 was determined not only by institutional and value-ideological, but also by psycho-emotional factors, among which a special place is occupied by mass frustration and atomization of the social space of Russia. It is noted that the basic factor in the gradual overcoming of the crisis of the Russian national-state identity was the building of a personalist

model of power, supported by a decrease in the severity of ideological and political conflicts. The two defining trends of the post-crisis stage in the development of the Russian national-state identity were the restoration in the political consciousness of society of stable ideas about Russia as a great power and the political consolidation of most of society based on «Putin's consensuses».

Keywords: national-state identity, identity crisis, post-crisis stage, image of power, image of «significant other», image of space

Acknowledgements: The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state assignment of the Financial University.

For citation: Rastorguev, S.V. & Titov, V.V. (2024). The crisis of Russian national-state identity in the late 20th — early 21st centuries: Factors, specifics, representations. *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), 277–291. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-277-291>

Введение

Проблематика российской идентичности, ее формирования и содержательных особенностей занимает одно из ведущих мест в системе приоритетов отечественной политической науки. Если в 1990-е гг. исследователи лишь периодически использовали словосочетание «российская идентичность» (понимая под ней, — как правило, некоторую устойчивую или даже константную макрополитическую конструкцию — условный исторический или цивилизационный «код» России), то в 2000-е гг. наметилась ярко выраженная тенденция популяризации данного понятия, причем как в научной, так и в политико-публицистической литературе. Обратной стороной такой популярности и массовой востребованности стало предельное размывание данного термина, его активная метафоризация [Малахов 2003]. Этому способствовало в том числе и распространение так называемых релятивистских («постмодернистских») подходов, делающих акцент на подвижность самоидентификации человека, неустойчивость и ситуативную обусловленность идентификационных конструктов — и личностных, и социальных [Bell 2003; Best 2011; Agiely 2012].

Закономерно, что в 2010-е гг. российская политическая наука обратилась к проработке теории политических идентичностей. На первый план вышли уже не вопросы «утраты», «поиска», «восстановления» российской идентичности (как некой ценностно-символической «матрицы» — первоосновы развития), а проблемы ее критериальной определенности, внутренней структуры, содержательного и динамического осмысления [Морозова 2012, Попова 2020; Семенов, Лапкин, Пантин 2010; Федеева 2011]. По нашему мнению, такое развитие событий стало возможно вследствие того, что конец 2000-х — первая половина 2010-х гг. были в целом периодом весьма благоприятным и с точки зрения идентификационной динамики российского общества.

Немаловажным обстоятельством, способствовавшим детализации «теории российской идентичности», стало поэтапное дистанцирование современного политического знания от радикальных методологических диспозиций. С одной стороны, подверглись некоторому смягчению концепции, рассматривавшие национальную идентичность в сугубо статическом, инвариантном ключе. С другой

стороны, стала очевидна и явная ограниченность агрессивных конструктивистских интерпретаций, в логике которых национальная идентичность — исключительно инструментальный «проект» властвующих элит [Титов 2016b].

Цель исследования состоит в научно-политическом осмыслении факторов и специфики формирования национально-государственной идентичности России на кризисном и посткризисном этапах (1992–2008 гг.).

Теоретико-методологические основания исследования построены на сочетании политико-психологического подхода и современных социально-конструктивистских теорий, рассматривающих «конструирование» идентичности не как производство государственного «нарратива», а как полицентричный процесс вызревания идентификационных установок и образов массового сознания на основе существующих в обществе культурно-исторических предпосылок.

Эмпирическую базу исследования составляют результаты социологических опросов, проводимых ведущими российскими академическими (ИС РАН) и исследовательско-аналитическими (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-центр¹) организациями, а также данные, полученные в ходе реализации ряда лонгитюдных проектов политико-психологического характера [Шестопап 1995; Евгеньева, Титов 2010; Евгеньева, Селезнева 2013].

Определение, структура и этапы формирования российской национально-государственной идентичности

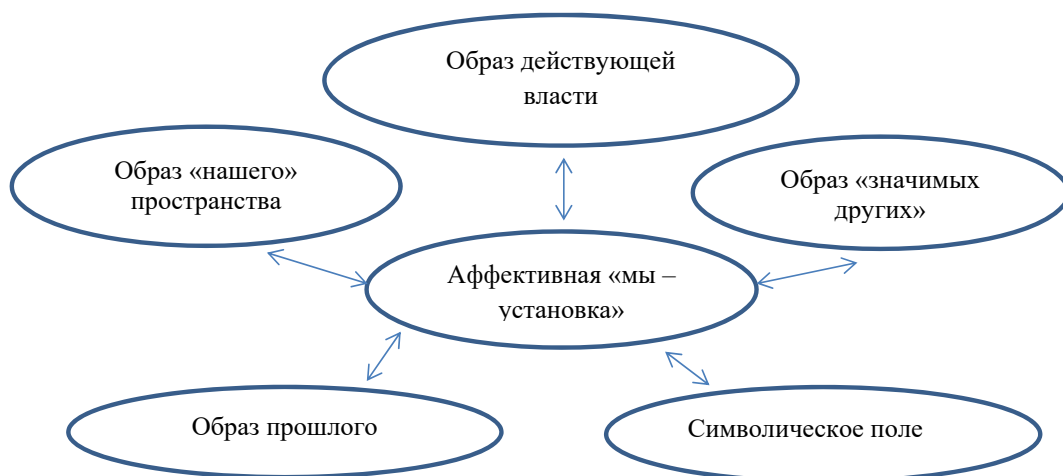
Одной из базовых проблем изучения российской национально-государственной идентичности сегодня является вопрос выработки ее развернутого определения. В данном случае особый интерес представляют работы О.Ю. Малиновой [Малинова 2010], Е.В. Морозовой [Морозова 2012], О.В. Поповой [Попова 2020], В.С. Комаровского [Комаровский 2015] и ряда других российских исследователей. На наш взгляд, в данном случае одним из наиболее приемлемых является подход, основанный на понимании данного феномена сквозь призму макрополитической идентичности. Развернутое определение последней дает О.Ю. Малинова. Согласно ее мнению, макрополитическая идентичность «охватывает все основания идентификации рассматриваемого сообщества, присутствующие в публичном дискурсе, позволяя анализировать возникающие между ними смысловые конфликты» [Малинова 2010: 6].

Детализированное структурно-иерархическое понимание национально-государственной идентичности предлагает В.С. Комаровский. Он выделяет три базовых композиционных блока идентичности: «мы-уровень», в основании которого лежит самоидентификация с определенными ценностями и значимыми политическими представлениями, «значимые другие» как совокупность представлений о «друзьях» и «врагах» России, и историческое прошлое с сопутствующими ему образами и установками массового сознания [Комаровский 2015: 22–25].

¹ Автономная некоммерческая организация «Аналитический Центр Юрия Левады» включена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

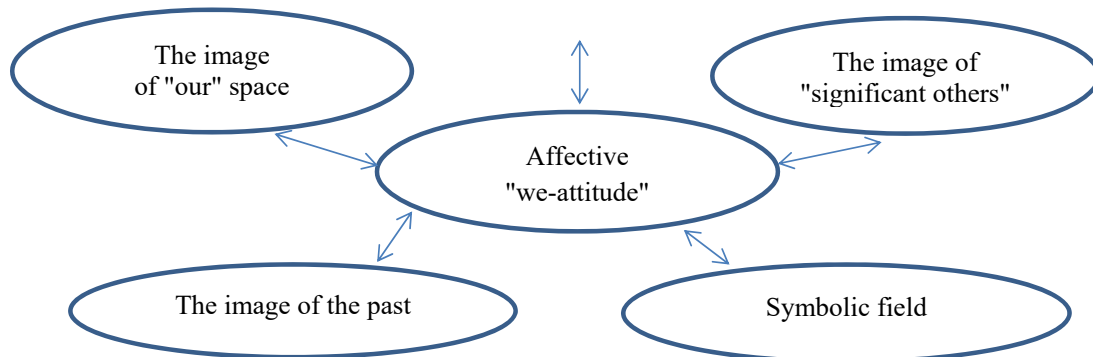
По нашему мнению, рассматривая национально-государственную идентичность с позиции синтеза ее макрополитического понимания и структурного подхода, можно определить ее как как интегративный «мы-образ», многомерное представление о «нас» как о политико-историческом сообществе в различных его проекциях: темпоральной, пространственной, социально-повседневной, институционально-политической [Титов 2016а]. Можно констатировать, что национально-государственная идентичность представляет собой *сложный, эволюционирующий конструкт, сложившийся и видоизменяющийся в массовом политическом сознании российских граждан. Он включает в себя как устойчивые, медленно трансформирующиеся историко-культурные составляющие (язык, традиции и т. д.), так и более подвижные элементы — образы наиболее значимых социально-политических субъектов.*

Опираясь на приведенное выше понимание национально-государственной идентичности, можно предложить следующую ее структурную композицию (рис.).

Структурное измерение национально-государственной идентичности

Источник: составлено авторами по материалам: [Малинова 2010; Попова, 2020; Комаровский 2015; Титов 2017].

Structural dimension of national-state identity

Source: compiled by the authors based on materials: [Malinova 2010; Popova 2020; Komarovskiy 2015; Titov 2017].

Важно отметить, что вопрос периодизации процесса формирования национально-государственной идентичности в современной (начиная с 1992 г.) России по-прежнему сохраняет дискуссионный характер. На наш взгляд, можно контурно выделить следующие этапы его трансформации: *кризисный* («ельцинский», 1990-е гг.); *посткризисный, реставрационный* («первый путинский», 2000–2013 гг.); *консолидационный* («второй путинский», «крымский», 2014–2021 гг.). По нашему мнению, также представляется возможным отдельно выделить текущий, мобилизационный этап трансформации российской национально-государственной идентичности, начавшийся в 2022 г. на фоне резкого обострения геополитического противостояния с «коллективным Западом».

Кризисный этап формирования российской идентичности в 1990-е гг.: ценностная фрагментация и политическое отчуждение

Отечественные исследователи справедливо сходятся во мнении, что базовым фактором кризиса российской национально-государственной идентичности явились негативные политико-психологические последствия распада СССР, предопределившие, в первую очередь, ценностно-смысловой и символический вакуум политического сознания в российском обществе. Граждане Российской Федерации, оказавшись в принципиально новой социально-политической реальности, были вынуждены ситуативно адаптироваться к кризисной социально-экономической и политической динамике и одновременно искать новые ориентиры собственной макрополитической самоидентификации [Ядов 1994; Шестопал 1995]. Важнейшей тенденцией того времени стало становление России как общества «всеобщего риска», пронизанного высокой конфликтностью и тотальной ценностно-смысловой неопределенностью [Яницкий 2001: 81]. Указанная негативная тенденция проявляла себя в атомизации социально-политического пространства, преобладании ситуативно обусловленных, теневых и деструктивных социальных практик, преимущественно локального характера.

Еще одним фактором, способствовавшим углублению кризиса российской национально-государственной идентичности в начале — середине 1990-х гг. явились острые идеологические размежевания и конфликты, сопутствовавшие институциональному становлению политической системы «новой России». Причем указанные конфликты на ограничивались текущей борьбой за политическую власть и конкуренцией политических стратегий дальнейшего развития страны. Они имели отчетливо выраженный историко-смысловой профиль: речь шла, с одной стороны, о «разрыве» с советским прошлым и фактическом отрицании политических ценностей «великодержавности», а с другой — о необходимости неосоветской реставрации, возвращения к ценностно-символическому наследию СССР [Евгеньева, Селезнева 2013].

Характеризуя специфику эволюции «властного» компонента российской национально-государственной идентичности, следует отметить, что еще в начале — середине 1990-х гг. в российском обществе (наряду с усилившимся неприятием политической ценности демократии) произошел заметный рост

патерналистских настроений: на первый план вышли вертикально-иерархические установки массового сознания. Так, согласно данным социологических исследований, приводимых учеными Института социологии РАН, за период с 1989 по 1996 г. доля респондентов, выступавших за сосредоточение власти в «сильных руках», выросла с 42 до 68 %, а доля тех, кто высказывался против этого, уменьшилась с 45 до 18 % [Вебер, Галкин, Красин 2001: 181]. При этом запрос на «сильную руку» коррелировал с тенденцией нарастающей ностальгии по советскому прошлому: например, доля россиян, считавших И.В. Сталина наиболее выдающимся историческим деятелем России, выросла с 20 % в 1994 г., до 35 % — в 1999 г.²

Безусловно, одной из наиболее значимых репрезентаций кризиса российской национально-государственной идентичности в 1990-е гг. стал распад ее символического пространства. Российское общество, по существу, утратило не только собственный «пантеон героев» (поскольку советский пантеон был частично девальвирован, в том числе в ходе целенаправленной информационной политики, проводимой тогда государством), но и лишилось базовых моральных координат исторической оценки прошлого и настоящего. Это выразилось не только в полярных «черно-белых» оценках тех или иных персоналий и событий российского прошлого, но и в нарастающей символической эклектике коллективного сознания. Например, по данным «Левада-центра»³, в 1994 г. на роль выдающейся личности и знаковой фигуры мировой истории, по мнению российских граждан, могли в примерно одинаковой мере претендовать Екатерина II, Л.Н. Толстой и А. Гитлер⁴.

Показательно, что такая ценностно-символическая фрагментация сопровождалась явным нарастанием депрессивно-негативных оттенков массового сознания, стремлением всё более часто воспринимать российское прошлое сквозь призму «коллективной трагедии»: репрессий, тоталитаризма, военных поражений и т.д. Естественно, что подобная смена доминантного фрейма восприятия не только привела к деформации общенационального образа прошлого, но и к росту массовой фрустрации, испытываемой относительно будущего, ускорению и без того интенсивных процессов «атомизации» социума — и политической, и на уровне пространств социальной повседневности.

Политико-психологические исследования 1990-х гг. убедительно свидетельствуют, что тремя определяющими чертами образа действующей на тот момент российской власти в представлениях россиян являлись вопиющая слабость, оторванность от интересов населения и нарастающая непредсказуемость [Шестопал 1995]. Слабость находила свое выражение в неспособности решать фундаментальные задачи социально-экономического и политического

² Кого россияне считают самым выдающимся человеком в истории? URL: <https://www.levada.ru/2021/06/21/samyey-vydayushhiesya-lichnosti-v-istorii/> (дата обращения: 23.01.2023).

³ Автономная некоммерческая организация «Аналитический Центр Юрия Левады» включена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

⁴ Кого россияне считают самым выдающимся человеком в истории? URL: <https://www.levada.ru/2021/06/21/samyey-vydayushhiesya-lichnosti-v-istorii/> (дата обращения: 27.08.2021).

развития страны, гарантировать целостность и устойчивость государства. Оторванность от интересов граждан — в закрытости и коррумпированности, стремлении к личному обогащению, индифферентном отношении к тем социально-экономическим проблемам, с которыми сталкивались граждане России. Непредсказуемость проявляла себя и в непоследовательном характере принимаемых политических решений, и в нарастающих волюнтаристских, агрессивных акцентах (что особенно ярко проявилось и во время политического кризиса 1993 г., и в ходе президентской кампании 1996 г., и с началом первой чеченской войны).

Знаковой и, безусловно, деструктивной тенденцией, характеризующей политическую самоидентификацию россиян в кризисные 1990-е гг. стало смещение образа «значимого другого» внутрь социально-политического пространства России. По существу, произошел перенос центра тяжести идентификационных расколов из геополитической плоскости в этнополитическое и стратификационно-политическое ее измерения. В этом плане показательно исследование ВЦИОМ, проведенное в апреле 1996 г. Согласно его результатам, российские граждане, в первую очередь, считали «врагами России» организованную преступность (35 %), коррумпированных чиновников и бюрократов (21 %) и «Чечню, Дудаева, чеченцев» (17 %). При этом доля респондентов, указавших «Запад» в качестве «врага» (9 %), была, например, вполне сопоставима с долей тех, кто считал врагами России «кавказцев» (5 %)⁵.

По нашему мнению, указанная тенденция переноса фокуса внимания на «внутреннего врага», ярко проявившаяся в первое постсоветское десятилетие, была предельно деструктивной с точки зрения формирования российской национально-государственной идентичности, предопределяла подчеркнуто конфликтный профиль самоидентификации российского общества в целом, серьезно сдерживала перспективы выстраивания конвенциональной модели национально-государственной идентичности гражданского типа. В дальнейшем, уже в 2010-е гг. в совокупности с разбалансированным, противоречивым и всё более подверженным негативизации (с точки зрения массового восприятия) образом российской власти, она препятствовала формированию общероссийской национально-государственной идентичности в полномасштабном ее понимании [Титов 2021].

В таких условиях политическая архитектура «новой России» в представлениях большинства граждан олицетворяла собой не устойчивую ценностно-политическую конфигурацию (подразумевающую наличие позитивных ценностно-смысловых ориентацией массового сознания и мотивов социальной консолидации), а некоторое аморфное и переходное политическое состояние. Полярными альтернативами этому кризисному состоянию на рубеже 1990–2000-х гг. выступали дальнейший распад

⁵ Есть ли у России враги? Если такие враги существуют, то с Вашей точки зрения, кто это в первую очередь. URL: https://bd.wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=453&q_id=35327&date=15.04.1996 (дата обращения: 23.09. 2022).

России как политико-территориального образования либо «консолидация через силу» — антикризисная по своей сути, персоналистская модель новой, «постъельцинской» власти, эффективной в решении насущных социально-политических задач и способной предложить внятные смысловые опоры общероссийской идентичности.

Посткризисный этап формирования российской идентичности (2001–2008 гг.): на перекрестке реставрации и консолидации

Рассматривая процессы формирования российской национально-государственной идентичности в начале 2000-х гг., следует особо отметить тот момент, что решающим фактором, предопределившим новый этап в ее развитии, стал симбиоз двух элементов — политических изменений во власти, совпавших с массовым запросом на «сильную руку» во главе страны. Таким образом, проявилось общеизвестное «парадоксальное соответствие» трендов политического и социально-психологического развития России: политические элиты, страдавшие в конце 1990-х гг. очевидным дефицитом мотивационно-волевого компонента, но поддержавшие В.В. Путина, оказались адекватны массовым ожиданиям, ориентированным на стабилизацию политической ситуации [Шестопал 2019].

Можно отметить, что запрос на стабилизацию и предсказуемость, который смог удовлетворить В.В. Путин в первой половине 2000-х гг., стал отправной точкой дальнейшей реконструкции смыслового пространства общероссийской идентичности. Речь шла о поэтапном «возвращении» государства в пространства исторической и символической политики, выстраивание принципиально новой модели геополитической субъектности России и макрополитической самоидентификации российского общества.

Указанная модель, при всей ее новизне, безусловно, не являлась «вакуумной» по своему смысловому наполнению, а опиралась на идеи реставрации конвенциональности как на базовые принципы дальнейшего выстраивания российской государственности. В ее основе лежал императив минимизации исторической конфликтности, отказ от «негативного» профиля государственной политики идентичности образца 1990-х гг., поиск взаимоприемлемой «примирительной» тональности политического диалога [Титов 2016а]. И, что крайне существенно, российское общество (значительная часть которого продолжала испытывать эффект ностальгии по советскому прошлому) оказалось в полной мере готово к таким изменениям [Бызов 2019].

Однако в 2000–2008 гг. по-прежнему была четко заметна тенденция серьезной фрагментации символического профиля российской национально-государственной идентичности, в котором переплетались (сосуществуя, но далеко не всегда органично сочетаясь и выстраиваясь в единую композицию) символические реминисценции «имперского» и советского периодов российской истории [Евгеньева, Титов 2010]. Указанные реминисценции актуально «накладывались» на текущую политическую повестку, стереотипизированные представления о России и ее прошлом, также образуя весьма

своеобразные смысловые линии идентичности (например, представление о В.В. Путине как «наследнике» имперской и советской державных традиций одновременно — «продолжателе дела» великих правителей России — Петра I, Екатерины II, И.В. Сталина).

Во многом аналогичную фрагментацию испытывал и образ «нашего» политического пространства. Как показывают политико-психологические исследования того периода, его смысловую трансформацию в поле национально-государственной самоидентификации определяло параллельное существование условных «имперских», интеграционистских и прагматических сюжетов массового сознания. Фактически на тот момент в российском обществе четко обозначились кластеры «империалистов», реконструировавших в своем сознании территориальные образы Российской империи — СССР, «интеграционистов», выступавших за объединение с Украиной, Беларусью, и, возможно, Казахстаном и «прагматиков», ориентированных на последовательное восприятие «страны России» в ее актуальных территориальных границах (табл. 1).

Таблица 1

Образ «нашего» политико-исторического пространства в сознании российских граждан

Кластер	Установки	Социально-демографические характеристики	Мотивационные основания
«Империалисты»	Акцент на территориальную экспансию и максимально возможное расширение России (до границ бывшего СССР)	10–15 %: люди старшего возраста, часть молодежи	Иррациональные импульсы и постсоветская ностальгия
«Интеграционисты»	Акцент на возможное вхождение Украины, Беларуси и Казахстана в состав России.	25–30 %: люди среднего и часть людей старшего возраста	Рационализация постсоветской ностальгии, «русская аккультурация»
«Реалисты»	Полное «принятие» России в существующих территориальных границах	35–40 %: молодежь, люди среднего возраста	Политический прагматизм, акцент на социально-экономическое благополучие

Источник: составлено авторами по материалам: [Евгеньева, Титов, 2010; Титов 2012; Титов 2017].

Table 1

The image of «our» political and historical space in the minds of Russian citizens

Cluster	Attitudes	Socio-demographic characteristics	Motivational grounds
The «Imperialists»	Emphasis on territorial expansion and the maximum possible expansion of Russia (to the borders of the former USSR)	10–15 %: Older people, some of the youth	Irrational impulses and post-Soviet nostalgia
The “Integrationists”	The emphasis is on the possible entry of Ukraine, Belarus and Kazakhstan into Russia	25–30 %: middle-aged and some older people	Rationalization of post-Soviet nostalgia, “Russian acculturation”
The “Realists”	Full «acceptance» of Russia within the existing territorial borders	35–40 %: young people, middle-aged people	Political pragmatism, emphasis on socio-economic well-being

Source: compiled by the authors on materials [Evgenieva, Titov 2010; Titov 2012; Titov 2017].

Еще одной важной тенденцией, характеризующей эволюцию российской национально-государственной идентичности в 2000–2008 гг., явились поэтапная прагматизация «коллективного Запада» и нарастающие негативные оттенки в восприятии западного мира. В российском обществе прочно утвердился лейтмотив цивилизационной идентификации России как принципиально «не западного» общества, ориентированного на «особый» путь исторического развития. При этом, по мнению исследователей, на тот момент идея всеобъемлющего и тотального по своей сути ценностно-смыслового конфликта с «коллективным Западом» ни в коей мере не являлась преобладающим трендом российского массового сознания. Как справедливо отмечает Л.А. Андреев, «первоначально эти сдвиги в массовом сознании имели характер внутреннего самоутверждения и не несли в себе собственно антизападной направленности» [Андреев 2007: 41]. Однако постепенно в 2000-е гг. вследствие целого ряда геополитических событий, прежде всего «оранжевой революции» на Украине и «пятидневной войны» с Грузией, «образ Запада в сознании большинства российских граждан получил прочную смысловую связку с фактором угрозы» [Андреев 2007: 41]

Тем не менее весьма очевидно, что на посткризисном этапе (2001–2008 гг.) российская национально-государственная идентичность не может квалифицироваться как исключительно «негативная», базирующаяся в своем смысловом и аффективном содержании преимущественно на «образе врага». Речь шла в большей степени не о конфликте, а о закономерной прагматизации и фундаментальной переоценке сложившихся геополитических реалий: сложных по своей сути попытках российского общества осмыслить «страну Россию» в контекстах новой глобальной реальности начала третьего тысячелетия.

Пожалуй, наиболее серьезные и форсированные трансформации в посткризисный период претерпел *образ российской власти*. Еще в самом начале 2000-х гг. (2000–2003 гг.) он радикально изменился: на смену преобладавшим во второй половине 1990-х гг. негативно-депрессивным и дисперсным сюжетам «слабой», аморфной и неэффективной власти («олигархи», «Ельцин», «семья», «криминальные группировки») пришла моноцентричная персоналистски-ориентированная модель, в центре которой находилась фигура В.В. Путина [Шестопап 2019]. Указанная моноцентричная модель являлась важной в том смысле, что обеспечивала первичные психологические условия политической консолидации общества, открывала возможности для реализации государством полномасштабной и продуктивной политики идентичности, нацеленной на пересмотр негативного тренда фрагментации образа прошлого [Титов 2016а]. Немаловажно, что российская власть в середине первого десятилетия XXI в. попыталась воспользоваться открывшимся «окном возможностей»: приступила к выработке приоритетов и механизмов формирования конвенциональной модели общероссийской идентичности [Малинова 2010: 25].

Однако необходимо понимать, что такая модель государственной политики идентичности подразумевала не только обращение к историческим реминисценциям, ситуативное использование ностальгических сюжетов, но и, что крайне важно, опиралась на высокий личный рейтинг доверия В.В. Путину со стороны

россиян. Ее фундаментальным основанием являлись социально-экономические факторы «второго путинского консенсуса» — рост материального благосостояния основной части российских граждан, функциональность базовых институтов государственного управления, предсказуемость проводимого политического курса [Бызов 2019]. Поэтому уже к концу 2000-х гг. стало весьма очевидно, что дальнейшее эффективное развитие и совершенствование конвенциональной модели российской национально-государственной идентичности возможно лишь в ситуации сочетания двух факторов: сохранения политической преемственности при обеспечении институциональной экономико-технологической и управленческой модернизации российского общества.

Заключение

Можно отметить, что формирование российской идентичности в 1992–2008 гг. происходило в условиях нарастания, кульминации и преодоления наиболее серьезных симптомов постсоветского идентификационного кризиса, носившего тотальный и деструктивный характер. Указанный кризис ярко проявился в 1990-е гг., был связан с разрушением ценностно-смыслового фундамента советского общества. Он характеризовался такими негативными тенденциями, как рост идеологической конфликтности, массовая фрустрация и последующая за ней «атомизация» социального пространства России. Параллельно происходили негативизация и фактическое разрушение образа прошлого, всплеск ксенофобских установок массового сознания и формирование образов «внутреннего врага» в лице разнообразных этнических «чужих», негативное преломление образа российской власти — ее доминирующее восприятие как слабой и неэффективной.

Логика посткризисного этапа трансформации российской национально-государственной идентичности (2001–2008 гг.) была во многом обусловлена фактором «путинских консенсусов» и опиралась на персоналистскую конфигурацию политической власти. Основными тенденциями данного этапа были активизация государственной исторической политики — попытка реконструкции образа прошлого на основе конвенционального подхода, сохранившая фрагментарность символического поля идентичности, прагматизация образов пространства и «значимого другого» в политическом сознании российских граждан.

Поступила в редакцию / Received: 11.09.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 24.11.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2024

Библиографический список

- Андреев А.Л.* Образ России в сознании россиян: международные аспекты // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2007. № 4. С. 40–52.
- Бызов Л.Г.* Ценностная эволюция «путинского консенсуса» в первый год последнего президентского срока // Общественные науки и современность. 2019. № 4. С. 42–56. <https://doi.org/10.31857/S086904990005815-8>

- Вебер А.Б., Галкин А.А., Красин Ю.А. Тенденции политического развития // Россия трансформирующаяся / под ред. В.А. Ядова. М., 2001. С. 180–198.
- Евгеньева Т.В., Титов В.В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // Полис. Политические исследования. 2010. № 4. С. 122–134.
- Евгеньева Т.В., Селезнева, А.В. Политические представления в контексте исторической памяти: обращение к прошлому в ситуации кризиса идентичности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 3–1. С. 158–167.
- Комаровский В.С. Формирование национально-государственной идентичности в России: вызовы и риски // Власть. 2015. № 3. С. 20–27.
- Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Идентичность: хрестоматия / сост. Л.Б. Шнейдер. М., 2003. С. 26–45.
- Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. Т. 6. № 1. С. 5–28.
- Морозова Е.В. Сложноставная идентичность как объект политологического анализа // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 1. С. 60–66.
- Попова О.В. О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. 2020. № 4. С. 86–110. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.05>
- Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. Политические исследования. 2010. № 3. С. 40–59.
- Титов В.В. Трансформация «политики идентичности» в постсоветской России (1992–2015) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016а. № 10. Т. 22. С. 73–82. <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2016-22-10-73-82>
- Титов В.В. Национально-государственная идентичность: проблема интерпретации понятия в политической науке // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016б. № 3. С. 92–102.
- Титов В.В. Национально-государственная идентичность как пространство политических смыслов и образов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 42–54.
- Титов В.В. Российская национально-государственная идентичность: логика конструирования и кризисные тенденции // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 4 (93). С. 26–29. <https://doi.org/10.24158/per.2021.4.4>
- Шестопал Е.Б. Образ власти в России: ожидания и реальность (политико-психологический анализ) // Полис. Политические исследования. 1995. № 4. С. 86–97.
- Шестопал Е.Б. Проект длиною в четверть века. Исследование образов власти и лидеров в постсоветской России (1993–2018) // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 9–20. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.02>
- Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52.
- Яницкий О.Н. Россия как «общество риска»: контуры теории // Россия трансформирующаяся / под ред. В.А. Ядова. М., 2001. С. 21–44.
- Ariely G. Globalisation and the decline of national identity? An exploration across Sixty three countries // Nations and nationalism. 2012, no.18 (3). P. 461–482. <https://doi.org/10.1111/J.1469-8129.2011.00532.X>
- Bell D. Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity// British Journal of Sociology. 2003. № 1. P. 63–81. <https://doi.org/10.1080/0007131032000045905>
- Best H. The Elite-Population Gap in the Formation of Political Identities // A Cross-Cultural Investigation. Europe and Asia Studies. 2011. № 6. P. 995–1009. <https://doi.org/10.1080/09668136.2011.585751>

References

- Andreev, A.L. (2007). The image of Russia in the minds of Russians: international aspects. *Monitoring of public opinion. Economic and social changes*, 4, 40–52, (In Russian).
- Ariely, G. (2012). Globalisation and the decline of national identity? An exploration across sixty three countries. *Nations and nationalism*, 3(18), 461–482. <https://doi.org/10.1111/J.1469-8129.2011.00532.X>
- Bell, D. (2003). Mythscapes: Memory, mythology, and national identity. *British Journal of Sociology*, 1, 63–81. <https://doi.org/10.1080/0007131032000045905>
- Best, H. (2011). The elite-population gap in the formation of political identities. *A Cross-Cultural Investigation. Europe and Asia Studies*, 6, 995–1009. <https://doi.org/10.1080/09668136.2011.585751>
- Byzov, L.G. (2019). The value evolution of the «Putin consensus» in the first year of the last presidential term. *Social sciences and modernity*, 4, 42–56. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S086904990005815-8>.
- Evgenieva, T.V., & Titov, V.V. (2010). Formation of national and state identity of Russian youth. *Polis. Political studies*, 4, 122–134. (In Russian).
- Evgenieva, T.V., & Selezneva, A.V. (2013). Political representations in the context of historical memory: an appeal to the past in a situation of identity crisis. *News of Tula State University. Humanities*, 3–1, 158–167. (In Russian).
- Komarovsky, V.S. (2015). Formation of national and state identity in Russia: challenges and risks. *Vlast'*, 3, 20–27. (In Russian).
- Malakhov, V.S. (2003). Identity: a textbook. In L.B. Schneider (Ed.), *Inconveniences with identity* (pp. 26–45). Moscow. (In Russian).
- Malinova, O.Y. (2010). The construction of macropolitical identity in post-Soviet Russia: Symbolic politics in the transforming public sphere. *Political expertise: POLITEX*, 6, 5–28. (In Russian).
- Morozova, E.V. (2012). Composite identity as an object of political analysis. *Man. Community. Management*, 1, 60–66. (In Russian).
- Popova, O.V. (2020). On unsolved problems of the theory of state identity policy in Russian political science. *Political science (RU)*, 4, 86–110. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.05>
- Semenenko, I.S., Lapkin, V.V., & Pantin, V.I. (2010). Identity in the coordinate system of world development. *Polis. Political studies*, 3, 40–59. (In Russian).
- Titov, V.V. (2016). Transformation of «identity politics» in post-Soviet Russia (1992–2015). *Bulletin of the Trans-Baikal State University*, 10, 73–82. (In Russian). <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2016-22-10-73-82>
- Titov, V.V. (2016). National-state identity: The problem of interpretation of the concept in political science. *Locus: People, society, cultures, meanings*, 3, 392–402. (In Russian).
- Titov, V.V. (2017). National-state identity as a space of political meanings and images. *News of the Tula State University. Humanitarian sciences*, 1, 42–54. (In Russian).
- Titov, V.V. (2021). Russian national-state identity: The logic of construction and crisis trends. *Society: politics, economics, law*, 4, 26–29. (In Russian). <https://doi.org/10.24158/pep.2021.4.4>
- Shestopal, E.B. (1995). The image of power in Russia: Expectations and reality (political and psychological analysis). *Polis. Political studies*, 4, 86–97. (In Russian).
- Shestopal, E.B. (2019). A quarter-century-long project. The study of images of power and leaders in post-Soviet Russia (1993–2018). *Polis. Political studies*, 1, 9–20. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.02>
- Weber, A.B., Galkin, A.A., & Krasin, Yu.A. (2001). Transforming Russia. In V.A. Yadov (Ed.), *Trends in political development* (pp. 180–198). Moscow. (In Russian).
- Yadov, V.A. (1994). Social identification in a crisis society. *Sociological Journal*, 1, 35–52. (In Russian).

Yanitsky, O.N. (2001). Russia is transforming. In V.A. Yadov (Ed.), *Russia as a «risk society»: Contours of the theory* (pp. 21–44). Moscow. (In Russian).

Сведения об авторах:

Расторгуев Сергей Викторович — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (e-mail: SRastorguev@fa.ru) (ORCID: 0000-0003-1185-9374)

Титов Виктор Валериевич — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (e-mail: titov-msu@mail.ru). (ORCID: 0000-0002-9518-2171)

About the authors:

Sergey V. Rastorguev — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (e-mail: SRastorguev@fa.ru). (ORCID: 0000-0003-1185-9374)

Viktor V. Titov — Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Institute for Humanitarian Technologies and Social Engineering, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (e-mail: titov-msu@mail.ru). (ORCID: 0000-0002-9518-2171)